

Гилберт Честертон

Проклятая книга

*Часть сборника
Настоящий английский
детектив: собрание
лучших рассказов*

Отец Браун

Гилберт Честертон

Проклятая книга

«ЭКСМО»

1933

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Честертон Г. К.

Проклятая книга / Г. К. Честертон — «Эксмо»,
1933 — (Отец Браун)

«Профессор Опеншоу всегда выходил из себя и громко возмущался, если его называли спиритом или хотя бы подозревали в доверии к спиритизму. Однако он громыхал и тогда, когда его подозревали в недоверии к спиритизму. Он гордился тем, что посвятил себя изучению потусторонних явлений; гордился он и тем, что ни разу не дал понять, верит он в них или нет. Больше всего на свете он любил рассказывать кружку убежденных спиритов о том, как разоблачал медиума за медиумом и раскрывал обман за обманом. Действительно, он был на редкость зорким сыщиком, если что-нибудь казалось ему подозрительным; а медиум всегда казался ему подозрительным и никогда не внушал доверия...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Честертон Г. К., 1933
© Эксмо, 1933

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Гилберт Кит Честертон

Проклятая книга

Профессор Опеншоу всегда выходил из себя и громко возмущался, если его называли спиритом или хотя бы подозревали в доверии к спиритизму. Однако он громыхал и тогда, когда его подозревали в недоверии к спиритизму. Он гордился тем, что посвятил себя изучению потусторонних явлений; гордился он и тем, что ни разу не дал понять, верит он в них или нет. Больше всего на свете он любил рассказывать кружку убежденных спиритов о том, как разоблачал медиума за медиумом и раскрывал обман за обманом. Действительно, он был на редкость зорким сыщиком, если что-нибудь казалось ему подозрительным; а медиум всегда казался ему подозрительным и никогда не внушал доверия. Он говорил, что однажды разоблачил шарлатана, выступавшего в обличьях то женщины, то седовласого старца, то темно-коричневого брамина. От этих его рассказов спиритам становилось не по себе – для того он, в сущности, и рассказывал; но придрасться было не к чему – ведь ни один спирит не отрицает существования шарлатанов. Правда, из неторопливых повествований профессора можно было заключить, что все спириты – шарлатаны.

Но горе тому простодушному, доверчивому материалисту (а материалисты, как правило, доверчивы и простодушны), который, воспользовавшись опытом Опеншоу, станет утверждать, что привидений не бывает, а спиритизм – суеверие, вздор или, если хотите, чушь. Профессор повернет свои пушки на сто восемьдесят градусов и сметет его с лица земли канонадой фактов и загадок, о которых незадачливый скептик в жизни не слышал. Он засыплет его градом дат и деталей; он разоблачит все естественные толкования; он расскажет обо всем, кроме одного: верит ли в духов он сам, Джон Оливер Опеншоу. Ни спириты, ни скептики так этого и не узнали.

Профессор Опеншоу – высокий, худой человек со светлой львиной гривой и властными голубыми глазами – разговаривал со своим другом отцом Брауном у входа в отель, где оба провели ночь и только что позавтракали. Накануне профессора задержал допоздна один из его опытов, и сейчас он еще не пришел в себя – и борьба со спиритами, и борьба со скептиками всегда выводили его из равновесия.

– Я на вас не сержусь, – смеялся он. – Вы в спиритизм не верите, даже если вам привести неоспоримые факты. Но меня вечно спрашивают, что я хочу доказать; никто не понимает, что я ученый. Ученый ничего не хочет доказать. Он ищет.

– Но еще не нашел, – сказал отец Браун.

Профессор нахмурился и помолчал.

– Ну, кое-что я уже нащупал, – сказал он наконец. – И выводы мои не так отрицательны, как думают. Мне кажется, потусторонние явления ищут не там, где нужно. Все это чересчур театрально, бьет на эффект – всякие там сияния, трубные звуки, голоса. Вроде старых мелодрам или историй о фамильном привидении. Если бы вместо историй они обратились к истории, думаю, они могли бы кое-что доказать. Потусторонние явления...

– Явления... – перебил его отец Браун, – или, скорее, появления...

Рассеянный взгляд профессора внезапно сосредоточился, словно он вставил в глаз увеличительное стекло. Так смотрел он на подозрительных медиумов; не надо думать, однако, что Браун был хоть немного похож на медиума, – просто профессора поразило, что его друг подумал почти о том же, о чем думал он сам.

– Появления... – пробормотал он. – Как странно, что вы сказали именно это. Чем больше я узнаю, тем больше склонен считать, что появлениями духов занимаются слишком много. Вот если бы присмотрелись к исчезновению людей...

– Совершенно верно, – сказал отец Браун. – Ведь в сказках не так уж много говорится о появлении фей или духов. Зато немало есть преданий о том, как духи или феи уносили людей. Уж не занялись ли вы Килмени¹ или Томом Стихоплетом?²

– Я занялся обычными современными людьми – теми, о которых мы читаем в газетах, – отвечал Опеншоу. – Удивляйтесь, если хотите, – да, я увлекаюсь исчезновением людей, и довольно давно. Честно говоря, нетрудно вскрыть обман, когда появляются духи. А вот исчезновение человека я никак не могу объяснить натуральным образом. В газетах часто пишут о людях, исчезнувших без следа. Если б вы знали подробности... Да что там, как раз сегодня я получил еще одно подтверждение. Достойнейший старый миссионер прислал мне прелюбопытное письмо. Сейчас он придет ко мне в контору... Не позавтракаете ли вы со мной сегодня? Я расскажу вам, что из этого вышло, – вам одному.

– Спасибо, с удовольствием, – застенчиво отвечал Браун. – Я непременно приду. Разве что феи меня утащат...

Они расстались. Опеншоу свернул за угол и пошел к себе в контору; он снимал ее неподалеку, главным образом для того, чтобы издавать «Записки», в которых печатались очень сухие и объективные статьи о психологии и спиритизме. Его единственный клерк сидел в первой комнате и подбирал какие-то данные. Проходя мимо, профессор спросил его, не звонил ли мистер Прингл. Не отрываясь от бумаг, секретарь ответил, что не звонил, и профессор прошествовал в свой кабинет.

– Кстати, Бэрридж, – сказал он, не оборачиваясь, – если он придет, пошлите его прямо ко мне. Работайте, работайте. Данные нужны мне к вечеру. Уйду – положите их ко мне на стол.

И он вошел в кабинет, размышляя над проблемой, о которой напомнило ему имя Прингла, или, точнее, которой это имя даровало жизнь. Даже самый беспристрастный агностик – все же человек; и не исключено, что письмо миссионера казалось ему столь важным, потому что оно подтверждало его собственные гипотезы. Опустившись в глубокое мягкое кресло, против которого висел портрет Монтеня³, профессор принялся снова за письмо преподобного Прингла. Никто лучше его не разбирался в эпистолярном стиле сумасшедших. Он знал, что их письма дотошны, растянуты, многословны, а почерк – неразборчив и замысловат. Льюк Прингл писал не так. В его послании, напечатанном на машинке, сообщалось деловито и коротко, что он видел, как исчез человек, а это, по-видимому, входит в компетенцию профессора, известного своими исследованиями потусторонних явлений. Все это понравилось профессору, и он не разочаровался, когда, подняв глаза, увидел перед собой преподобного Льюка Прингла.

¹ Килмени – героиня одной из песен поэмы шотландского поэта Джеймса Хогга (1770–1835) «Пробуждение королевы».

² Том Стихоплет – Томас из Эрселдуна, полубогатый шотландский поэт XIII в. По преданию, его полюбила и увела за собой королева эльфов.

³ Мишель Монтень (1533–1592) – французский философ-скептик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.